

Анатолий ЯНИ

Забытая эпиграмма

К 80-ЛЕТИЮ В.В. ДОМРИНА

Было это в начале семидесятых годов прошлого, двадцатого, века. Я любил писать стихи, увлекаясь в основном баснями. Пробовал переводить строки Жана де Лафонтена (1621 — 1695), узнав, что почти все свои знаменитые басни Иван Андреевич Крылов (1769 — 1844) писал по тем же сюжетам, что и Лафонтен, являясь переводчиком с французского.

Как-то раз осмелился показать свои басни одному из критиков в Союзе писателей.

Мне представлялось, что литературовед будет детально разбирать каждую строку, но он только сообщил мне, что в течение века после Крылова жанра басни у нас фактически не было, так как жанр этот давно устарел, что даже Сергей Михалков пишет басни крайне редко и что мне не стоит ими заниматься. А особенно удручает, как выразился критик, моя несовершенная басня про Осли, в которой я хочу "без лишнего слов весь шар земной извратить от осли", а это несправедливо, поскольку осёл — очень нужное и полезное в хозяйстве животное: может, например, перевозить в бурдюках жидкие и сыпучие грузы. Я робко возра-

жал, вспоминая басню Крылова "Осёл и Соловей". "Но разве виновен Осёл, что природа не одарила Соловья прекрасным тенором кенара, щегла или жаворонка?" — спрашивал критик. "Простите, — заикнулся было я, чувствуя, что слегка краснею, — Крылов имел в виду не музыкальные способности Осли, а его мнение о том, что Соловью необходимо учиться у маэстро господина Петуха". Критик снял очки и стал протирать носовым платком. Было заметно, что он почему-то нервничает. После некоторой паузы я добавил: "Может быть, вы мне что-нибудь посоветуете?" Я и не думал, что критик может на меня обидеться, вероятно, считая себя персонажем басни. Об этом узнал позже из других уст — и неожиданно родилась "Эпиграмма на критика басен".

Речь критика — остра и зла.

К ней подступал, как будто к бою:

Ведь басни все, что про Осли,

Считал издёвкой над собою.

Эту свою эпиграмму я показал одесскому поэту Владимиру Домрину (1934 — 1985),

с которым был в очень дружеских, приятельских отношениях, хотя он был на целых шесть лет старше меня и гораздо опытней в поэтических делах. Он тут же взял шариковую авторучку и своим аккуратным и красивым почерком экспромтом так отредактировал моё четверостишие, что я его даже не узнал. Остались прежними лишь стихотворный размер да, пожалуй, парочка слов, которые остались неизменными. Но радости не было предела оттого, что известный поэт редактирует мои строки. Это означало, что они ему чем-то понравились, ибо на полях других стихов он писал всего лишь одно слово: "Слабо!"

"Эпиграмма должна быть лёгкой и короткой, — говорил Домрин. — Нужно писать смелее и больше уделять внимания иронии, чтоб все почувствовали, что это портрет маслом заведующего отделом культуры газеты "Знамя коммунизма". Он — неплохой журналист, но болезненно-подозрительный, воображает опасность там, где она и не ночевала. Страдает мнительностью. У него мнительный характер. Кстати, так и назовём эту эпиграмму: "МНИТЕЛЬНЫЙ", — и Домрин сверху уже

готовой эпиграммы добавил заголовок. Вот как стала выглядеть эпиграмма:

МНИТЕЛЬНЫЙ

*У зава мнительность была,
Но он не подавал и виду.
Хотя все басни про Осли
Считал... за личную обиду!*

Домрин тут же звонил по телефону друзьям и говорил, что к нему в гости пришёл Яни и написал великолепную эпиграмму на завотделом культуры, и читал на память. Но хотя Домрин считал, что лишь отредактировал мои строки, эпиграмма эта была для меня чужой радостью, так как не менее чем на девяносто процентов была всё-таки явно домринской.

— Если ты считаешь, что эпиграмма не твоя, ты когда-нибудь мне напомни о ней, и я её где-нибудь опубликую, — произнёс Володя, возвращая усеянную надписями, испещрённую его пометками мою рукопись.

Но ничего напоминать мне не пришлось. У Домрина была изумительная память. Он хорошо помнил эпиграмму. И когда речь шла о выпуске в издательстве "Маяк" уже седьмого его сборника стихов "Лунная подкова" (1966), он сказал, что опубликует и эту эпиграмму с посвящением мне. Я взмолился: "Пожалуйста, Володя, не дай Бог, только не мне!" Видимо, он на секунду забыл, что это не просто юморное стихотворение, а эпиграмма с острым, сатирическим намёком на басенного Осли.

Вадим ЧИРКОВ

Свежий букет в деревянном чулане

Уже лет 5 — 6 я получаю (кто-то окатил добром, спасибо ему) журнал news@liveinternet.ru. В нём — всё. Искусство: живопись, скульптура, фарфор, старинное оружие, архитектура, музыка, кинофильмы, фотографии мастеров фотосъёмки, сюр, путешествия, замки, водопады... Супертанцы взрослых и детей, говорящие попугаи, неслыханные голоса опять-таки взрослых и детей, понятно, что кошки... Мысли мудрецов, советы травознаев, "Самое интересное", "Необычное", "Позитивное", приколы, рецепты интересных блюд — то есть товары на любой вкус. За один вечер весь журнал не рассмотришь, а получаю я его каждый день.

С некоторых пор, открыв, как следует, журнал, я непременно кликаю на слово "натюрморт". Натюрморт — интересный жанр живописи и фото. В нём опять-таки всё. Прежде всего, конечно, красота. Чаще это цветы (каких только нет!). Физалис. Рябина-калина. Причудливая ветка. Потом фрукты. Овощи. Выпивка "от и до". Накрытый стол. То на нем кувшин с молоком и черный (свежий на разрезе!) хлеб, то сало с зеленым луком, чесноком и бутылкой водки, то омары, крабы, хрустальный графин с красным вином и неприменный лимон со спиральной спущенной кожурой. Предметы старины: чугуны, угольные утюги, швейные машины "Зингер", лампы ("семилинейная" — не дай вам Бог узнать, что это такое!), фонари, медные подсвечники, глиняные кувшины, серебряные потемневшие кубки, древние книги, музыкальные инструменты... Человеческие черепа (emento mori!) и другие. Раковины... Всё красиво, бездна вкуса, цвета, настроения, всё многозначительно, что-то часто отзывается в сознании музыкальной фразой...

Но лишь однажды я увидел глубину. Она и есть то, ради чего я затеял рассказ.

Глубина была на фото. Натюрморт: старый деревянный чулан и старый же, толстой пыльной доски стол. На нем — позеленевший от времени подсвечник с огарком свечи, огруженной от наплывшего стеарина. Спичечный коробок. Огонек свечи высвечивает гвозди в дощатой стене, на которые подвешены кое-какие инструменты — клещи, ржавая ручная пила, связка старых ключей с узорчатыми бородками... Недалеко от подсвечника лежит висячий замок и ключ к нему с пеньковой (!) ветхой веревочкой. Понятно: кто-то только что вошел в пахнущий деревом и стариной закуток...

А за подсвечником, у другой стены, между двумя черными чугунами, стоит большой букет свежих цветов! Яркий, неожиданный.

И мгновенно понимается: память! Образ ее: букет свежих цветов в старом, сплошь деревянном чулане. Она хранит здесь негаснущее воспоминание о чем-то давнем, произошедшем, бывшем... нет, скорее, промелькнувшем, чудесном, но в свое время недопо-

нятом и — вот оно, то, что не дает угаснуть — упущенном!

Упущенное. Странное, острое чувство. Оно, бывает, сильнее других...

Обратимся теперь к прозе, хотя начну я ее поэтической строчкой: "Это было, было в Одессе..."

Нас тогда на одесской самой людной улице было двое: мой друг, умница, с хорошим, интересным лицом, с женщинами (а речь пойдет об этом) нахраписто, скажем точнее — женщин по-гусарски самоуверенно атакующий; и я, робкий после 4 лет службы в ВМФ, отвыкший от цивилизованного общения, все еще пугливо осматривающийся.

Стас был из Харькова, жил на Сумской — главной улице, на которой "блистала" по вечерам харьковская молодежная элита; это, конечно, тоже обрисовывает моего друга. В Одессе он бывал временами: учился заочно в гидротехническом институте; я учился в педагогическом и жил в общежитии.

Нас со Стасом сначала связало простое соседство коек в Высшем военно-морском училище в Севастополе, потом обнаружилось некоторое родство душ, общий — прошлого — словарь, одинаково хорошее отношение к умеренной выпивке, еще — обоюдное отчисление из училища (причина была одна: нарастающее сопротивление армейскому диктату), служба в ВМФ рядовыми матросами, встречи, язык долгой дружбы, когда всё понимается с полуслова, согласие во многом... я и другим пожелаю такой прочностности дружеских уз. Приезжая в Одессу, Стас стучал в мое окно на первом этаже общежития, я выходил...

И вот начало того эпизода, который закончился для меня... букетом цветов в старом чулане. Стас познакомился с интересной девушкой, нет, молодой женщиной, которую его взгляд пропустил не мог: она отличалась и вкусом к наряду, и осанкой; подкатил, может быть, по-гусарски щелкнув каблуками. Чем-то заинтересовал; она пригласила его (но не одного, а с другом), к себе на кофе. Были в тот вечер чинная гостиня, кресла, картины на стенах, кофе в крохотных чашечках (это после моих алюминиевых кружек с жидким компотом)... Беседа. Разговор вел мой друг, я помалкивал. Но заметил на себе все более частые взгляды хозяйки дома.

Здесь память пропускает подробности нескольких наших визитов в этот дом, зато фиксирует интереснейшую деталь. Мне — а не моему другу — была вдруг вручена для прочтения небольшая только что переведенная на русский язык книжка "Маленький принц". Экзюперы меня поразили, как поразили, наверно, многих, живших в Советском Союзе: новым в литературе героем, его одиночеством, грустью о покинутой им розе на крохотной планете, прощением ее иголкам...

Маленький принц — душа самого Экзюперы.

Замечу здесь, ничего не утверждая: через полтора десятка лет я стал писателем, детским, больше всего любящим писать сказки! Сказок, кроме других книг, у меня вышло три сборника.

Потом мой друг уехал. Ответа на свое внимание к хозяйке дома он так и не увидел. А я стал получать одно за другим приглашения посетить его.

Небольшая информация о нашей новой знакомой. Была она замужем за поляком, жила какое-то время в Варшаве, что-то у них не сложилось, Нина вернулась в родной город, оставив фамилию мужа: Д...вич. Об уехавшем моем друге она высказалась между прочим едкой и отточенной фразой, отметив в ней его бросающееся в глаза гусарство. Жаль, фраза та из памяти выпала.

Как-то мы уговорились пойти вечером к морю, но не на пляж, где и вечером людно (вечерние летние купания в Одессе целыми компаниями — почти обряд), а к скалам, они дальше пляжа, там поздним вечером мало кто бывает.

Память сохранила ее черное узкое платье (наверняка купленное в Варшаве) и — главное — туфли на высоком каблучке, оправданное асфальтовым шоссе, идущим вдоль моря в Отраде. После прогулки по шоссе мы спустились по каменистому склону, без каких-либо ступенек к скале, Нина опиралась на мою руку. О чем я подумал тогда мимоходом — о ее доверии ко мне, а еще — о высоких каблуках на трудных камнях спуска. Мы сели на скалу, в которую билась, иногда бело оскаливаясь, несильная прибойная волна. Сидели, изредка переговариваясь, глядясь в черноту ночи и моря, в две — у каждого своя — лунные дорожки. Я не осмелился тогда взять ее за руку, она — не положила руку на мое плечо. Может быть, ей достаточно было именно такого общения. Не знаю.

Но вдруг такого:

...Зачем мы перешли на "ты"...

За это нам и перепало

на грош любви и простоты,

а что-то главное пропало...

Эта строфа из стихотворения Агнешки Осеецкой, полячки, которое, не случайно заметив, перевел ("вольный перевод"), было сказано в предисловии) Булат Окуджава.

Кроме слов "что-то главное", есть еще одна примечательная фраза в этой песне: "Мы ищем расставание..."

...Мы с Ниной в те немногие "свидания" (кавычки здесь необходимы) дистанции не "искушали" и все время были на "вы". Наверно, это ее устраивало, устраивал и я, не нарушавший в этих нескольких встречах "расставания".

...Я пишу эти строки, пытаюсь привычно нащупать ими что-то существенное, осязаемое, но его нет — и в то же время оно есть: воздушное сгущенное пространство, в котором

вот-вот (или возможно) блеснет молния. Прозвучит, наконец, нужное слово.

Иногда мне кажется, что то, о чем я пытаюсь рассказать, подвластно лишь хорошему фортепиано. Жаль, я не музыкант. Я сыграл бы эту тему, чуть касаясь пальцами клавиш, слова в ней кажутся мне слишком конкретной материей...

Было еще несколько встреч, но больше — приглашений заходить. Но из-за послеполуденной карнавальности суеты, в которой я тогда закружился: новые друзья, добросердечные подруги, веселые вечеринки — приглашениями я легкомысленно пренебрег.

Эта мысль пришла позже — ведь я тогда был выбран! Выбран, избран, отобран — поклонников у молодой и красивой женщины было предостаточно. За что выбран, опять не знаю. Женское чутье, женский выбор, можно тут произнести и слово "причуды", для нас, мужиков, тайна за семью печатями. Всегда ли мы знаем, за что нас выбирают, для чего — может, просто из любопытства?.. И что разглядела она во мне, во что поверила (во что проникла, что, может быть, надеялась взрастить, как это умеют женщины?), как не побоялась пойти со мной на одинокую ночную скалу, выходящую в море?

...И всегда ли знают они, женщины, вдруг выбирая кого-то?

Может, и знают; но для меня это осталось неразрешенной загадкой.

И еще — ясным тепер ощущением того, что я, кажется, прошел тогда мимо чего-то большого, такого же, наверно, необычного и полного необычных вопросов и необычных ответов, как... как общение летчика Экзюперы в пустыне с Маленьким принцем...

Теперь это упущенное нащупывается раз от раза фонариком мысленного усилия — во все больше сгущающейся темноте тех давних вечеров и часов, усилие вслушивается в обрывки фраз, старается произошедшее (промелькнувшее) понять, разгадать, узнать: что, что, что ты потерял?! Что невероятно хорошее упустил?

"Что-то главное", что, может быть, было известно ей, и что, может быть, понял и узнал бы я.

Я закрепил тот натюрморт на экране компьютера и с неделю букет не покидал его, каждый раз возвращая меня в давнее. Потом заменил букет другой картинкой (я меняю их) и... вспомнил, что не берег (не застейвал) натюрморт в компьютерной памяти. И с тех пор, "листая" журнал, я все время кликаю на слово "натюрморты" в надежде отыскать тот, где в деревянном чулане, освещенный догорающей свечой в медном подсвечнике, стоит свежий букет.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. +38 067-480-37-05).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N 88. Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маршаловская, 7. Тел. 725-45-67, 725-53-68. www.odessitclub.org.